Бр2 3/192

Бр2 3/192

НА ПЕРЕДОВЫХЪ ПОЗИЦІЯХЪ.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ и ПИСЕМЪ УЧАСТНИКОВЪ СРАЖЕНІЙ.

Бр 2 3/192

НА ПЕРЕДОВЫХЪ ПОЗИЦІЯХЪ.

Изъ разсказовъ и писемъ участниковъ сраженій.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1914.

2 экз

22225
12/II 1936

На передовыхъ позиціяхъ.

(Изъ разсказовъ и писемъ участниковъ сраженій).

Въ первый разъ въ бою.

Ни новобранецъ, котораго берутъ для обученія ратному дѣлу, ни опытный солдатъ, находящійся на дѣйствительной службѣ и играючи стрѣляющій въ соломенное чучело, ни призванный въ военное время изъ запаса подъ ружье, которое онъ уже 5—10, а быть-можетъ, и больше лѣтъ смѣнилъ на мирный плугъ или молотъ,—никто до перваго выстрѣла человѣка въ человѣка не можетъ себѣ ясно и отчетливо представить всего ужаса войны. Больше того. Каждый призванный въ первый разъ подъ священныя знамена жертвовать собою за благо родины, ея честь и достоинство, какъ бы ясны и опредѣленны

ни были для него эти понятія, до перваго столкновенія съ непріятелемъ, несмотря на знаніе своего назначенія и цѣли своего участія, не можетъ себѣ представить всѣхъ своихъ дѣйствій *такъ*, какъ они должны проявиться на дѣлѣ.

Но вотъ на пути наступленія показался непріятель. Человѣкомъ сначала овладѣваетъ лихорадочная дрожь и ужасъ. «Не страхъ за себя, не трусость передъ врагомъ, а какой-то безотчетный трепетъ передъ чѣмъ-то неизвѣстнымъ». Въ это время въ его душѣ, не испытывавшей дотолѣ страданій, одно настроеніе быстро смѣняется другимъ, пока, наконецъ, ратное дѣло не овладѣетъ имъ окончательно. Вотъ выстрѣлъ, другой, третій... посыпался убійственный свинцовый дождь, полилась дорогая кровь и... врагъ сталъ дѣйствительнымъ врагомъ, исчезла нервная дрожь, исчезло состраданіе, и человѣкъ начинаетъ палить въ непріятеля, видя, какъ падаютъ люди и даже какъ взлетаютъ кверху разорванные на части трупы.

Эта смѣна душевныхъ настроеній участника сраженія, это постепенное нара-

станіе ужаса по мѣрѣ приближенія роковой минуты довольно хорошо переданы въ слѣдующемъ разсказѣ одного офицера-артиллериста.

— Въ мирное время трудно,—говоритъ онъ,—постичь, что такое дѣйствительный бой... Знаю, что я долженъ наводить орудія; знаю, что я долженъ стрѣлять въ непріятеля; знаю, что, чѣмъ больше я выведу изъ вражескаго строя солдатъ, тѣмъ лучше для меня и для нашей арміи. Это, если хотите знать,—конечная цѣль всякой арміи... Но все это только въ теоріи, въ сознаніи моего «я», но въ чувство это сознаніе не отложилось... и поэтому моя совѣсть спокойна... нѣтъ страданій...

Но вотъ объявили войну, нашу бригаду отправили на театръ военныхъ дѣйствій... Охотно иду я, охотно идутъ другіе. Всѣ думаемъ одно и то же. Стрѣлять въ непріятеля и выводить какъ можно больше изъ строя.

Пришли. Намъ сказали, что завтра утромъ начнется бой, указали мѣсто, вручили начальнику бригады планъ дѣйствій нашей артиллеріи. И отъ этого момента въ душу проникъ ужасъ. Не

страхъ за себя, не трусость передъ врагомъ, а какой-то безотчетный трепетъ передъ чѣмъ-то неизвѣстнымъ.

Въ шесть часовъ утра мы открыли огонь по невидимому, но предполагаемому непріятелю... Къ полудню намъ сказали, что цѣлый нѣмецкій корпусъ старается обхватить наше правое крыло... Намъ скомандовали: направо, маршъ! И мы пошли. Занимаемъ новыя позиціи и ждемъ. Вдругъ видимъ идетъ непріятель. Одновременно непріятельская артиллерія открыла противъ насъ огонь. Навожу орудія, отдаю приказъ стрѣлять, а самъ чувствую себя точно въ кошмарномъ снѣ. Въ четвертой батареѣ начинаютъ таять наши офицера... Я—въ третьей батареѣ. У насъ пока безъ потерь. Вижу нѣмцы пошли въ атаку! Одинъ полкъ, другой... Навожу орудіе, пускаю снарядъ... въ самую гущу перваго полка... потомъ второй снарядъ, третій... Вижу, какъ падаютъ люди, вижу даже, какъ взлетаютъ кверху разорванные на части трупы...

Проходитъ полчаса... Одинъ полкъ непріятеля разстрѣлянъ,—разстрѣлянъ второй, а я все навожу и стрѣляю...

Нервная дрожь исчезаетъ, я прихожу въ ярость и безъ всякаго состраданія палю въ непріятеля... А онъ все подступаетъ, и все ложится. Я не понимаю вражескаго маневра. Но, что мнѣ онъ сейчасъ? Что мнѣ его замыслы? Я занимаю удачную позицію и кошу его, точно крѣпкій батракъ, съ косою въ рукахъ забравшійся на густое клеверное поле.

Въ первую ночь уснуть не могъ. Какъ-то невольно рисуется въ глазахъ поле сраженія... идутъ нѣмецкіе полки, а я стрѣляю въ самую гущу людей... взлетаютъ кверху руки, ноги, головы, цѣлыя туловища... Страшно подумать...

— А въ сколькихъ бояхъ вы были?

— Четырехъ,—отвѣчаетъ раненый и продолжаетъ: — Когда начался второй бой, я пошелъ въ него, какъ автоматъ... Напряжены только мускулы, остальное все въ параличѣ... Такой параличъ, что я лично не чувствовалъ боли отъ причиненной мнѣ раны, когда я былъ раненъ... Помню только, какъ закружилась у меня голова, въ глазахъ стало мерцать, и дальше не помню. Упалъ

въ полуобморочномъ состояніи на землю. Меня подобрали санитары и унесли.

Ту же самую картину настроеній мы находимъ въ двухъ слѣдующихъ письмахъ съ передовыхъ позицій. Г. Ш-нъ пишетъ: «За три дня до боя мы знали, что намъ предстоитъ горячая схватка съ непріятелемъ. Эти три дня надолго останутся у меня въ памяти. Я по природѣ не трусъ, но, тѣмъ не менѣе, каюсь, пріунылъ. Невольно мнѣ вспомнились тѣ, кто былъ обреченъ и ждалъ смерти въ опредѣленный срокъ. Мои товарищи-однополчане какъ-то притихли. Большинство было занято писаніемъ прощальныхъ писемъ къ роднымъ и знакомымъ. Нашъ общій съ вами знакомый, Петръ Васильевичъ, тоже усѣлся за письмо. Спрашиваю: «Кому пишешь?»—«Дарьѣ»... (это его бывшая прислуга.) «О чемъ?»—«Прощаюсь и прошу, чтобы моего Лорда берегла»... (Лордъ, это—его лягашъ.) Отошелъ отъ него съ еще большей тяжестью на сердцѣ. Въ такомъ кошмарѣ прошло три дня. Въ тотъ день, когда намъ предстояло итти на врага, рано утромъ мы получили приказъ о выступленіи. Молча, сосредото-

ченно-угрюмо вышли мы изъ лагеря. Часа черезъ три о нашей угрюмости не было и помина. Мы дрались съ нѣмцами, забывъ обо всемъ. Бой былъ горячій. Многіе не вернулись. Петръ Васильевичъ тоже. Еще болѣе пало враговъ. Возвратились мы съ боя усталые. Насъ зовутъ къ котламъ съ пищей, но намъ не до пищи. Устали отъ пережитаго, и хочется только одного—уснуть, забыться... Для отдыха былъ данъ намъ день, послѣ чего предстояла новая схватка. И вотъ тутъ-то проявилась странность натуры человѣческой. До боевого своего крещенія мы испытывали, не скажу—страхъ, а нѣкоторое смущеніе передъ неизвѣстностью, а теперь, наканунѣ второго сраженія, мы были веселы, шутили, никому и въ голову не приходило писать прощальныя письма. Отъ прежняго унынія не осталось никакого слѣда. Выступили мы изъ лагеря съ пѣснями. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ можетъ привыкнуть... даже умирать съ пѣснями. Его страшитъ только начало, а потомъ ему все нипочемъ»...

Авторъ второго письма говоритъ: «2 августа мы выступили и, пройдя

25—27 верстъ, расположились на ночлегъ. Черезъ нѣсколько времени намъ приказали итти въ Городокъ.

Шли съ 11 час. утра до 8 съ половиною утра слѣдующаго дня съ перерывами. Дорогой былъ ливень, но мы спѣшили и прошли еще 25 верстъ.

Спѣшили, какъ оказалось, принять первое боевое крещеніе. Да, бой этотъ будетъ внесенъ, по крайней мѣрѣ, въ «военную исторію».

Длилось сраженіе 5 час. подъ рядъ. Нашихъ убито мало, а австрійцевъ только въ братской могилѣ погребено 79 человѣкъ.

Раненыхъ австрійцевъ было очень много, и масса ихъ при отступленіи ускакала за границу

Плѣнныхъ, среди которыхъ много раненыхъ, везли и вели безъ конца. Число установить невозможно.

Изъ австрійскихъ офицеровъ убиты четыре, взяты въ плѣнъ генералъ, три оберъ-офицера и четыре врача.

При отступленіи австрійцы оставили три орудія, двѣ лазаретныя линейки, нѣсколько обозныхъ повозокъ.

Картина боя была очень эффектна. Когда учишь исторію прежнихъ боевъ, становится жутко, а теперь, идя въ бой, идешь спокойно, съ твердой вѣрой, что исполняешь свой долгъ передъ всѣми.

Нѣтъ другой мысли; спокойно командуешь и въ перерывахъ шутишь съ молодцами-солдатами, которые идутъ рядомъ со сказочнымъ воодушевленіемъ.

Надъ головой рвались шрапнели, а у ногъ падали осколки отъ нихъ. Снаряды зарывались въ землю и взрыхляли ее. Справа и впереди тарахтѣли пулеметы непріятеля, а издали наступали ихъ гусарскіе полки.

Наша артиллерія черезъ наши головы швыряла снаряды, а затѣмъ посыпала картечью атакующіе насъ полки. Наши пулеметы работали очень энергично.

Было много героевъ съ нашей стороны, но были герои и среди австрійцевъ. До позиціи изъ нихъ дошло не болѣе пяти гусаровъ, и то всѣ раненые.

Добралась до позиціи и «австріячка»— хорошая кобылка. Я ее замѣтилъ и вытащилъ изъ болота. У нея одинъ пока аллюръ-шагъ. Она не знаетъ русской

муштровки, а я не знаю нѣмецкаго языка, а потому мы другъ друга не понимаемъ.

Въ жаркихъ бояхъ.

Съ принятіемъ же перваго боевого крещенія человѣкъ свыкается съ ратнымъ полемъ и въ своихъ сообщеніяхъ всего меньше касается личныхъ переживаній. Его уже не охватываетъ ужасъ, не пугаетъ свистъ пуль и трескъ шрапнели: смѣло, стойко и мужественно онъ смотритъ въ глаза смерти, готовый пріять самый тяжелый вѣнецъ въ сознаніи великаго долга. Поэтому сообщенія участниковъ, бывшихъ уже нѣсколько разъ въ бояхъ, лишены, какъ уже мы сказали, описаній внутреннихъ переживаній, но зато они весьма цѣнны тѣмъ, что изобилуютъ подробностями о томъ или иномъ боѣ. Вотъ эти разсказы и письма.

Бой подъ Сталупененомъ.

Послѣ взятія пограничнаго города Эйдкунена, разрушеннаго огнемъ нашей артиллеріи, наши доблестныя войска по

пятамъ непріятеля двинулись по направленію къ г. Сталупенену. На фронтѣ Сталупененъ—Катшенау 4 августа произошелъ жаркій бой, въ которомъ съ нѣмецкой стороны участвовало до 120 тысячъ и 200 орудій. Бой начался около 9 час. утра, и непріятель, не использовавши полевыхъ укрѣпленій спереди Сталупенена, долженъ былъ отступить съ большими потерями. Подъ натискомъ нашей геройской арміи нѣмцы бросили городъ, который немедленно заняли наши отряды.

Такъ коротенько сообщали газеты объ одномъ изъ жаркихъ боевъ, бывшихъ почти еще въ началѣ военныхъ дѣйствій. Подробности этого боя мы находимъ въ нижеслѣдующемъ письмѣ добровольца, еврея Якова М. Письмо это особенно цѣнно простотой и непосредственностью, съ какой раненый солдатъ описываетъ какъ сраженіе, въ которомъ онъ участвовалъ, такъ и личныя переживанія на театрѣ войны.

Въ началѣ своего письма съ поля брани раненый солдатъ извиняется предъ родными за то, что рѣшилъ, не испросивъ ихъ согласія, отправиться на

войну. «Надѣюсь,—пишетъ онъ,—что вы, дорогіе мои братья и сестры, оцѣните по достоинству мотивы чувства, руководившіе мною при отправленіи на войну въ качествѣ добровольца. Я не могъ спокойно смотрѣть на тѣ великія событія, которыя развертываются передъ нами. Я исполнилъ свой патріотическій долгъ».

Далѣе описывается путешествіе добровольца до Вильны, процедура зачисленія въ дѣйствующую армію и т. д. Поѣздъ, съ которымъ пришлось ѣхать добровольцу изъ Петрограда, былъ сплошь занятъ запасными, и на всѣхъ станціяхъ поѣздъ встрѣчали патріотическими манифестаціями. Въ Вильнѣ авторъ письма «засталъ все въ обычномъ порядкѣ».

29 іюля М. еще съ 80 другими отправили на войну.

«Тебѣ извѣстно,—пишетъ онъ брату,—въ какой полкъ я былъ зачисленъ. Ночью выступили въ походъ. Шли все впередъ, въ Пруссію, такъ что я впервые попалъ за границу и то безъ паспорта... Днемъ были уже у станціи Lensesipenen. Отдохнули и пошли даль-

ше. 3-го нашъ полкъ получилъ приказаніе взять деревни Бидьвичененъ и Сталупененъ. Недалеко отъ этихъ деревень произошло крупное столкновеніе съ нѣмцами.

«Бой продолжался съ 6 утра до 9 часовъ вечера 4 августа безъ перерыва. Наша артиллерія производила полное разрушеніе среди непріятеля. Ихъ артиллерія дѣйствовала очень слабо. Когда въ моей ротѣ не осталось никого изъ старшихъ, то я, какъ болѣе интеллигентный, взялъ команду на себя. И, согласно имѣющимся инструкціямъ, велъ полуроту впередъ, пока не былъ тяжело раненъ шрапнелью въ правый бокъ. Кромѣ этой тяжелой раны я былъ контуженъ въ правую руку, обѣ ноги, но эти раны—легкія. Шрапнельная рана очень большая и глубокая и боль невыносимая.

«Пока меня подобрали наши санитары, я лежалъ на полѣ брани болѣе 30 часовъ. Меня ранили ровно въ 6 часовъ 30 мин. вечера 4 августа,—у меня хватило силы, чтобы посмотрѣть на часы. Первую перевязку я сдѣлалъ самъ себѣ, несмотря на ужасную боль и обильное

кровотеченіе. Черезъ нѣсколько часовъ пришли нѣмецкіе санитары. Сдѣлали перевязки и сказали мнѣ, что, такъ какъ я очень тяжело раненъ, то взять меня не могутъ, и оставили до прихода русскихъ.

«Я лежалъ въ нѣмецкой деревнѣ. Потомъ перевезли на перевязочный пунктъ въ пяти верстахъ отъ Кибарты. Отсюда поѣздомъ доставили въ Вильну. Сюда прибыли около 2 час. дня 8 августа, такъ что были свидѣтелями солнечнаго затменія. Здѣсь я себя чувствую удовлетворительно, ибо уходъ внимательный и тщательный».

Картина боя дорисовывается разсказомъ подпоручика Л. со словъ рядовыхъ своей роты Смирнова и Миногулова. Рота нашего полка, разсказываетъ этотъ подпоручикъ, стоявшая съ лѣваго фланга, сильно продвинулась впередъ и выбила нѣмцевъ изъ небольшой котловины.

Ночью, когда бой сталъ стихать, рота отошла въ окопы, оставивъ въ котловинѣ нѣсколькихъ солдатъ для уборки раненыхъ.

Какъ впослѣдствіи оказалось, послѣ нашего ухода въ котловину явились за своими ранеными и нѣмцы.

Нѣмцевъ было больше.

Наши уборщики затаились, прикинувшись убитыми.

Среди нихъ былъ рядовой Смирновъ.

На его глазахъ нѣмцы отправляли къ себѣ на позиціи своихъ раненыхъ и съ заунывнымъ пѣніемъ хоронили убитыхъ.

Вскорѣ группа нѣмцевъ съ фонаремъ приблизилась къ Смирнову. Лежавшій рядомъ со Смирновымъ раненый Миногуловъ застоналъ.

Услышавъ стонъ, одинъ изъ нѣмецкихъ уборщиковъ подошелъ и хотѣлъ было поднять раненаго.

Но, узнавъ русскаго, размахнулся и ударилъ Миногулова штыкомъ въ спину.

По счастью, ударъ оказался не смертельнымъ.

По уходѣ изъ котловины нѣмцевъ, Миногуловъ вмѣстѣ съ другими русскими ранеными былъ доставленъ на нашъ перевязочный пунктъ.

По пути къ Львову.

«Подъ Томашевымъ (въ Люблинской губ.),—разсказываетъ одинъ изъ выбитыхъ изъ строя вслѣдствіе раненія офицеръ, прибывшій въ Кіевъ,—ожесточенный бой продолжался около трехъ сутокъ.

«Лѣвое крыло австрійскаго фронта надвигалось на наше правое, и австрійцы начали дѣйствовать пулеметами. Они открыли такой огонь, что буквально нельзя было слышать команды и, вообще, болѣе или менѣе свободно распоряжаться войсковой силой. Въ этотъ-то моментъ обнаружилась прекрасная подготовка нашихъ солдатъ, которые проявили громадную иниціативу. Выяснилось, что у насъ пѣхотинцы—отличные стрѣлки: послѣ перваго залпа среди непріятельскихъ рядовъ началась страшная суматоха; видно было, что австрійскіе солдаты остались безъ офицеровъ. Наши сдѣлали еще два-три залпа, потомъ пошла стрѣльба вразсыпную и, наконецъ, мы бросились въ атаку. Надъ непріятельской цѣпью взвился бѣлый флагъ. Мы продолжали мчаться. За

однимъ флагомъ появился второй, потомъ третій. Когда мы были уже въ 25 шагахъ отъ непріятеля, то видѣли, какъ солдаты заднихъ рядовъ поднимались съ земли и бросали на траву свои ружья. Оказалось, что нашими залпами перебиты всѣ офицеры. Въ плѣнъ сдался цѣлый батальонъ, около 700 чел. Выяснилось, что во главѣ отдѣльныхъ воинскихъ частей, состоящихъ изъ славянъ, стоятъ венгерскіе или нѣмецкіе офицеры.

«Впослѣдствіи подобные случаи повторялись: какъ только офицеры гибнутъ, солдаты выбрасываютъ бѣлые флаги и сдаются.

«Относительно нашихъ атакъ: австрійцы не выносятъ штыковой атаки, уклоняются отъ принятія ея, бѣгутъ или же сдаются. Въ 30 верстахъ отъ Замостья мы начали приближаться къ непріятельскимъ позиціямъ. Австрійцы стали сыпать въ насъ цѣлымъ фонтаномъ пуль. Ползли мы на животахъ и каждую минуту огребали впереди себя лопатками землю, устраивая прикрытіе для головы. Ползли мы минутъ сорокъ. Вдругъ впереди насъ промчалась лег-

кая артиллерія. Мы вскочили и бросились впередъ. Пробѣжали шаговъ 200 и снова легли на животъ. Когда, наконецъ, мы оказались уже въ 100 шагахъ, солдаты вскочили и стремительно бросились на окопы. Лишь только раздалось «ура», — австрійцы выбросили бѣлый флагъ.

«Изъ этого можно заключить, что у нашего непріятеля была чисто механическая сила: ужасный пулеметный и артиллерійскій огонь. Когда же мы бросились въ атаку, — не произвели ни одного выстрѣла, ужасъ какъ будто парализовалъ ихъ силы. Изъ двухъ ротъ, сдавшихся намъ, уцѣлѣло, какъ оказалось, около 250 человѣкъ. Расположенныя далѣе части обратились въ паническое бѣгство и оставили на полѣ много оружія и обозъ, а также денежный ящикъ и двѣ корзины съ солдатскими письмами».

Еще ожесточеннѣе, еще жарче былъ бой при Ольшанахъ, кипѣвшій чуть ли не у самыхъ воротъ древней галицій-ской столицы въ продолженіе цѣлыхъ десяти дней.

Про него разсказываютъ участники, что еще 10 и 11 августа бѣшенымъ

натискомъ хотѣли прорвать австрійцы желѣзное кольцо нашихъ войскъ у деревни Горай. Изъ рукъ въ руки переходила эта деревня, вѣрнѣе, ея тлѣющіе остатки, въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ. Часть нашихъ войскъ подъ натискомъ во много разъ превосходившаго насъ численностью врага принуждена была отступить. Въ то же время для парализованія этого неуклоннаго стремленія австрійцевъ пробить фронтъ нашего наступленія въ обходъ австрійскаго фланга, параллельно его движенію, были посланы нѣсколько русскихъ полковъ, которые, занявъ позицію около деревни Хмель, вынудили австрійскія войска принять бой. Послѣдній начался еще 15 августа.

Только что русскіе полки успѣли занять лѣсъ, прикрывающій дер. Хмель, и превратить опушку этого лѣса въ цѣлый рядъ замаскированныхъ окоповъ, какъ было получено извѣстіе о приближеніи австрійскихъ разъѣздовъ, сопровождаемыхъ пулеметными командами. Высланный нами казачій отрядъ быстро опрокинулъ наступавшія конныя части противника и захватилъ 2 пулемета.

Австрійцы отступили съ тѣмъ, чтобы 16 августа обрушиться на насъ цѣлыми массами пѣхотныхъ полковъ и безудержной канонадой.

Подъ прикрытіемъ своихъ орудій, австрійцы рѣшились даже итти въ штыки. Приблизившіеся было къ нашимъ передовымъ цѣпямъ австрійцы тотчасъ же были встрѣчены нашимъ бѣшенымъ, бѣглымъ ружейнымъ огнемъ. Въ то же время, не дожидаясь новаго натиска ошеломленнаго своими огромными потерями противника, нѣкоторымъ нашимъ полкамъ былъ отданъ приказъ начать контръ-атаку. Не выдержавшіе штыкового удара австрійцы бѣжали, при чемъ тутъ же ихъ взяли въ плѣнъ около 200 человѣкъ. Не довольствуясь этимъ, русскіе полки перешли въ наступленіе и заняли около 2—3 часовъ дня оставленную австрійцами и уже подожженную огнемъ нашей артиллеріи деревню Ольшаны. Среди пылающихъ костровъ горящей деревни, подъ нестерпимымъ смертоноснымъ дождемъ пуль и снарядовъ выдерживали въ теченіе нѣсколькихъ часовъ наши «сѣрые герои» натискъ свѣжихъ силъ австрійцевъ. Къ

вечеру послѣдними деревня была занята.

Тѣмъ временемъ къ намъ подходили подкрѣпленія. И ночью въ багровомъ пламени пожара двинулись наши доблестные полки въ атаку. Деревня Ольшаны была занята нами вновь».

Паденіе Львова.

Правильная осада Львова, обложеннаго нашими войсками съ сѣвера и сѣверо-востока, началась въ $2^1/_2$ часа утра.

Въ это время наша артиллерія расположилась на юго-востокѣ, вдоль берега рѣки, и открыла убійственный огонь по колоннамъ австрійскихъ войскъ, стремившихся сконцентрироваться на фронтѣ Львовъ—Гродекъ—Винники.

Въ пять часовъ утра на этомъ фронтѣ наша кавалерія подъ прикрытіемъ огня нашихъ артиллерійскихъ батарей перешла въ энергичную атаку, отбрасывая австрійцевъ на западъ, и снова совершенно очистила отъ непріятеля линію Винники—Львовъ.

Во время боя вдоль фронта Львовъ—Винники произошелъ слѣдующій эпизодъ, рѣшившій судьбу австрійцевъ.

Центральное мѣсто этого фронта являлось для австрійской арміи наиболѣе опаснымъ.

Сюда былъ направленъ убійственный огонь, такъ какъ мы поставили себѣ цѣлью препятствовать отступленію австрійцевъ изъ Львова и, разбивъ австрійцевъ на правомъ флангѣ, совершенно замкнуть Львовъ кольцомъ.

Съ цѣлью отвлечь вниманіе нашего войска, австрійцы на всемъ фронтѣ поставили прикрытіе изъ славянскихъ полковъ, которые должны были задержать наступленіе русскихъ до конца эвакуаціи изъ Львова.

Гарнизоны изъ славянъ отданы были подъ надзоръ мадьярскихъ полковъ, которымъ данъ былъ приказъ приступать къ разстрѣлу славянъ, какъ только они станутъ колебаться.

Такое расположеніе австрійскихъ войскъ стало, однако, извѣстно нашей арміи, временно прекратившей огонь, но въ тяжелую минуту передвиженія непріятеля въ тылу славянскихъ полковъ,

наши батареи открыли убійственный перекидной огонь.

Черезъ головы славянъ наши снаряды буквально крошили австрійцевъ.

Въ рядахъ непріятеля началась дикая паника.

Бросивъ всѣ орудія, снаряды и обозы, безпорядочными ордами австрійцы кинулись къ Гродеку.

Славяне выкинули бѣлый флагъ и всѣ до одного перешли на сторону русскихъ.

Было это въ началѣ 10-го часа утра, и этотъ моментъ былъ рѣшающимъ для исхода боя подъ Львовомъ.

Австрійцы, повидимому, сами не надѣялись на возможность удержать Львовъ послѣ того, какъ пали всѣ до одного самые сильные его форты.

Въ городѣ оставалось очень немного войскъ.

Послѣ того, какъ около девяти часовъ утра наши кавалерійскія и пѣхотныя части обрушились на фронтъ Львовъ—Гродекъ, оттѣснивъ австрійцевъ на этой линіи, нашей артиллеріи была дана возможность охватить кольцомъ своего огня Львовъ со всѣхъ сто-

ронъ, при чемъ Львовъ являлся уже не австрійской, а нашей позиціей.

Къ 10 час. утра Львовъ оказался въ сомкнутомъ, непроницаемомъ кольцѣ нашихъ войскъ, которыя въ сѣверной части входили въ городъ большими колоннами.

И вотъ начался бой на улицахъ.

Бой этотъ явился особенно сильнымъ.

Отдѣльныя части австрійскихъ войскъ сдавались одна за другой въ то время, какъ славянское населеніе устраивало нашимъ войскамъ торжественную встрѣчу съ криками:

— Да здравствуетъ армія русскихъ освободителей!

Пѣніе русскаго гимна слилось съ послѣдними выстрѣлами наголову разбиваемыхъ въ окрестностяхъ города австрійцевъ.

Проѣздъ нашихъ войскъ по городу являлся полнымъ торжествомъ и тріумфомъ.

Изъ оконъ домовъ нашимъ войскамъ кричали «ура» и забрасывали ихъ цвѣтами.

Въ $10^1/_2$ час. утра на городской ратушѣ взвился русскій флагъ.

Къ командующему нашими войсками явилась депутація и просила по возможности немедленно повергнуть къ стопамъ Государя готовность всего славянскаго населенія быть вѣрноподданными сынами великой Россіи.

Въ двѣнадцать часовъ дня Львовъ принялъ имя русскаго города.

Трупы на улицахъ были убраны, порядокъ возстановленъ.

На перекресткахъ стояли наши патрули.

Офицерамъ и солдатамъ ежеминутно устраивали овацiи.

Подъ Львовомъ наши войска взяли богатую военную добычу, брошенную австрiйскими войсками и подобранную нашими войсками: 45 артиллерiйскихъ орудiй большого и малаго калибра, 65 пулеметовъ, 10 блиндированныхъ автомобилей, которые оказались нѣсколько подбитыми огнемъ нашей артиллерiи, и громадное количество легкаго ручного оружiя.

Въ часъ дня въ Львовѣ было получено сообщенiе о взятiи нашими войсками Галича.

Можно считать, что австрійской арміи нанесенъ громадный непоправимый ударъ.

Въ тылу нашей побѣдоносной арміи идетъ энергичная работа по отправленію въ глубь Россіи десятковъ тысячъ сдавшихся въ плѣнъ непріятельскихъ офицеровъ и солдатъ.

Плѣнные отправляются цѣлыми поѣздами, которые отходятъ одинъ за другимъ.

Всѣ ближайшіе города переполнены плѣнными.

Въ плѣну у германцевъ.

Улыбаясь, Яшкевичъ охотно всѣмъ разсказываетъ исторію своей короткой боевой карьеры.

Говоритъ онъ украинскимъ говоромъ.

— Шли мы дружно, ничуть не было страшно, все время рядомъ. Нашъ офицеръ не отставалъ отъ насъ.

Я оказался впереди.

Гулъ, грохотъ кругомъ, но къ этому скоро привыкаешь.

— Гдѣ нѣмцы, товарищи?

Смотримъ туда, сюда. Вдругъ кто-то изъ нашихъ закричалъ:

— Здѣсь, здѣсь, ребята!

Грохнуло.

Меня задѣло въ ногу. Сгоряча иду...

За стогомъ сѣна, глядимъ, притаились восемь человѣкъ.

Насъ было девять.

Бросились въ штыки: мы ихъ колемъ, они насъ.

Я своего проткнулъ, снялъ съ него киверъ, думаю: на родину повезу, будетъ память.

Тутъ силы стали у меня убывать

Покончили съ нѣмцами, а кругомъ еще жарче стало.

Поползъ я въ ровъ. Схоронился. А киверъ привязалъ къ ремню.

Лежу во рву.

Кто-то застоналъ около.

Взглянулъ, — нѣмецъ. У него были перебиты обѣ ноги.

Наши отступали.

Подошли германскіе санитары и меня подобрали вмѣстѣ со своими ранеными.

Привезли въ женскую гимназію, — тамъ у нихъ было устроено что-то въ родѣ лазарета.

Лежали всѣ раненые на полу, на соломѣ.

Лежу и думаю: попался въ плѣнъ!

Тутъ пришли ихъ сестры милосердія... въ бѣлыхъ платьяхъ, съ черными пелеринами, съ красными крестами на груди.

Стали перевязывать, и меня тоже.

Потомъ принесли бѣлые хлѣбы—длинные, узкіе, совсѣмъ еще теплые.

Одна сестра стала рѣзать, другая одѣляла всѣхъ.

Дастъ ломоть, побѣжитъ къ другимъ, потомъ вернется и еще прибавитъ кусокъ.

Санитаръ принесъ горячаго кофе.

Я попробовалъ: горькое, безъ сахара.

Пить не сталъ—не понравилось: больно горько.

Увидали, что ли, что я не пью ихъ кофе, только принесли мнѣ супу изъ свинины. Это ничего—вкусно.

А тутъ вскорѣ поднялась у нихъ тревога: санитары всѣ побѣжали.

Остались лишь сестры да раненые. Тутъ у меня мысль пришла: ужъ не наши ли идутъ?

Такъ и оказалось.

Вскорѣ къ намъ вошелъ русскій генералъ съ офицерами.

Подошелъ къ намъ, къ русскимъ, поблагодарилъ за службу...

Тутъ Яшкевичъ на время оборвалъ разсказъ,—у него заболѣла прострѣленная нога.

— Потомъ,—продолжаетъ онъ,—меня отправили въ Россію.

...Вотъ лежу,—говоритъ онъ,—надоѣло... Не повезло мнѣ; мнѣ бы хоть еще недѣльку-другую цѣлымъ остаться,—я бы еще побился... Такъ рука и чешется!

Василій Сладковъ—сосѣдъ по койкѣ Яшкевича—разсказываетъ:

— Мы забрались въ домъ,—оказалось насъ человѣкъ 50—60. Отъ нашихъ насъ отрѣзали. Я былъ раненъ въ ступню шрапнелью. Окружили насъ нѣмцы.

Кто былъ легко раненъ и могъ итти, тѣхъ сейчасъ же отдѣлили и отправили подъ конвоемъ.

Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ солдатъ подошли къ намъ и стали говорить по-польски. Среди нашихъ раненыхъ были поляки.

— Ничего, ничего,—говорили они,— у насъ въ плѣну вамъ хорошо будетъ!

Разложили насъ въ саду, на травѣ, на шинеляхъ.

Поставили къ намъ часового. Онъ намъ сдѣлалъ перевязки.

Потомъ баклагу вынулъ, попробовалъ самъ сначала; должно-быть, для того, чтобы мы не подумали, что насъ отравятъ.

Далъ намъ попить.

Въ баклагѣ у него было холодное кофе.

Часовой потомъ пошелъ въ домъ, принесъ намъ бѣлаго хлѣба и кислаго молока.

Ночью часовой ушелъ...

Я подняться не могъ... Кое-какъ сломалъ себѣ двѣ палки.

Тутъ же подумалъ:

— Какъ бы наутекъ?

И убѣжалъ. Одну ночку всего-то и пробылъ у нихъ въ плѣну.

КАКЪ НАЧАЛАСЬ ВОЙНА.

ПОЛЬША И ЗАРУБЕЖНАЯ РУСЬ ВЪ БОРЬБѢ СЪ НѢМЦАМИ. Сост. А. С.

НѢМЕЦКІЙ НАТИСКЪ НА РОССІЮ. Сост. А. С.

ЗА ЧТО ВОЮЕТЪ РОССІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ДЕНЬ—26 іюля 1914 г. Впечатлѣнія участника и очевидца.

БЕЗПОКОЙНАЯ ИМПЕРІЯ. Краткій очеркъ исторіи Германской имперіи.

БРОНИРОВАННЫЙ КУЛАКЪ—ВИЛЬГЕЛЬМЪ II.

ЛОСКУТНАЯ ИМПЕРІЯ. Историч. очеркъ Австро-Венгріи.

ОСТАТКИ ГРОЗНАГО ВЕЛИЧІЯ. Историч. очеркъ Турецкой имперіи.

НАШИ БРАТЬЯ СЛАВЯНЕ.

ХРАБРАЯ БЕЛЬГІЯ. Разсказъ о Бельгіи и бельгійцахъ.

НАША ВѢРНАЯ СОЮЗНИЦА ФРАНЦІЯ. Разсказъ о Франціи и французахъ.

ВЕЛИКАЯ МОРСКАЯ ДЕРЖАВА. Разсказъ объ Англіи и англичанахъ.

КАКЪ ВОЮЮТЪ НАШИ КАЗАКИ. Разсказъ о казакахъ и народномъ войскѣ.

КТО СИЛЬНѢЕ МЫ ИЛИ НАШИ ВРАГИ?

НѢМЕЦКІЯ ЗВѢРСТВА.

МУЖЕСТВЕННАЯ БОРЬБА БЕЛЬГІИ ВЪ ВѢРОЛОМСТВОМЪ ГЕРМАНІИ.

ГЕРОЙСКАЯ БОРЬБА СЕРБІИ. Уничтоженіе австрійской арміи у Цер-Планины.

РОССІЯ БОРЕТСЯ ЗА ПРАВДУ.

БИТВА СЕРБОВЪ СЪ АВСТРІЙЦАМИ ПРИ ЦЕРЪПЛАНИНѢ. Разсказы очевидцевъ о войнѣ.

ПОРАЖЕНІЕ НѢМЕЦКОЙ АРМІИ ПРИ ГУМБИНЕНѢ.

РАЗГРОМЪ АВСТРІЙСКОЙ АРМІИ И ВЗЯТІЕ ЛЬВОВА ВЪ ГАЛИЦІИ.

БѢЛЫЙ ГЕНЕРАЛЪ. Его геройскіе подвиги и завѣты для офицеровъ и солдатъ.

РАЗСКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВЪ О ВОЙНѢ. Кн. 1-я.

НАШИ ГЕРОИ.

НѢМЕЦКІЕ НАБѢГИ.

МОРСКІЯ ПОТЕРИ НѢМЦЕВЪ.

ГПИБ 1914 НА ПЕРЕДОВЫХЪ ПОЗИЦІЯХЪ